

**Андрей
ГОНЧАРОВ,**
народный
артист СССР,
художественный
руководитель
Театра имени
Вл. Маяковского

НУЖНЫ МЕЦЕНАТЫ

Приходя в церковь и ставя свечку, человек просит и надеется. Ибо — верует. И нынешний откат в храмы и религию, думаю, не случаен: без веры жить нельзя. Человеку во что-то надо верить.

Театр, конечно, не может заменить религию, но должен в какой-то мере возмещать то, что было отнято вместе с нею: веру, надежду, любовь...

Сейчас почему-то стало модно предавать забвению многое из того, чем мы еще недавно гордились. Если раньше с жаром провозглашалось, что «наши» чуть ли не во всем первые, то теперь с азартом утверждается, что мы позади всех и надо немедленно идти на выучку «за бугор». Что наиновейшее слово в театре — авангард, и у него-то будущее; что в советской театральной истории ничего хорошего не было.

А я думаю, что у нас и в безвременье был Театр. Вопреки всему. Сохранялось главное, чем русская театральная школа отличается от всех других, — одержимое стремление к правде, хотя семь десятилетий психологически театр погибал: строить правду на неправде — получается двойная неправда.

Меня часто спрашивают, почему в театре, которым я имею возможность руководить уже 23-й год, — аншлаги, тогда как в сотнях театров вокруг их нет. Почему у нас на трех сценах идут три спектакля в день — с аншлагами? Могу ответить: потому что именно литература и драматургия во многом определяют интерес к театру. И зритель приходит, если видит в репертуаре соответствие и соотнесение с подлинной жизнью, если этого нет — обходит театр стороной. А еще не приходит, чтобы только лицезреть актеров, которые за десятилетия сильно натренировались на репертуаре, построенном на лжи.

Мы счастливо избежали многого. И глупых разговоров о политическом театре, поскольку неполитического театра вообще нет. У нас не было и производственных пьес — сталь лили на других сценах, за что мне тоже доставалось. И мы не объясняли, как лучше заворачивать гайки.

Мы считали, что зритель имеет право на театр, где идет разговор об общечеловеческих проблемах. И тогда мы ставили, вопреки запретам, первыми «Бег» Булгакова, «Закат» Бабеля, то, что теперь называется «зарубеьем», — Галича, Войновича, Максимова. Все эти спектакли становились репертуарными. И если наша литература не давала оснований для включения ее в репертуар, тогда оставалась зарубежная классика, где тоже можно было найти разговор о человеке. Вот почему, например, «Трамвай «Желание» и «Кошка на раскаленной крыше» идут уже два десятилетия, простите, с аншлагами. Вот почему я убежден: театр начинается не с вешалки, а с репертуара. Вот и теперь театр работает над «Петербургом» забытого Андрея Белого и пьесой Леонида Андреева.

А последняя моя работа — «Виктория?» («Завещание лорда Нельсона») по пьесе Реттигана — о дефиците. О дефиците любви и добра, поскольку, как я считаю, зрителю сегодня нужно именно это. Мы уже выкупали его в «чернухе», уже «обогатили» знанием политических, социальных, производственных и сексуальных проблем.

Сейчас все чаще слышишь: театр в кризисе — зритель не идет. Как же выжить? Тут, мне кажется, есть не один путь, и первый — вернуться к человеку, точнее — вернуться к нему. Нынешняя политика государства предполагает поворот к общечеловеческим ценностям, и театр должен говорить о Времени «через» человека и для людей.

В пору вспомнить и о традициях. В последнее время мы почему-то стыдимся называть имя Станиславского — зато с его именем наши эмиссары успешно выезжают за рубеж. У себя дома без разбора пропагандируем опыт «инострannого» театра. Но я, повидав десятки иностранных трупп, смею утверждать: лучший в мире театр — русский с его традицией психологической школы. Театр — удивительно национальное искусство. Родное-то зачем забывать?

Когда смотришь по «ящику» дебаты в наших парламентах разных уровней, не может не броситься в глаза: как мало интеллигентности. Но если жизнь и без того как-то идет, то для театра это гибель: неинтеллигентные люди в театре работать просто не могут. Чехова должны играть интеллигентные актеры, а сейчас вместе с последним поколением мхатовцев его играть некому.

Театр должен отмежеваться от так называемой массовой культуры, стать над ней. Негоже ставить что-то на потребу.

Каждое свободное кресло в зале режиссер должен воспринимать как личное оскорбление. Если зритель не пришел, значит, ни режиссер, ни актеры не своевременны. Есть над чем задуматься.

Что еще? И в нашем деле необходимы реформы. Нельзя перестраивать страну и забывать о культуре. Искусство никогда не было доходной статьей, оно всегда существовало за счет меценатства. Нам нужны Алексеевы, Третьяковы, Морозовы, Мамонтовы. Как делается во всех цивилизованных странах? Нужны 3 процента отчислений в пользу театра, не облагаемые налогом.

И еще надо думать о новом поколении театра, которому работать в XXI веке. И забота о нем необходима на всех уровнях, что тоже всегда предполагало в России меценатство.

У нас существует студия-мастерская при театре. Но если бы кто-нибудь знал те трудности, которые стоят на пути этой первейшей необходимости жизни завтрашнего театра...

Нужны театральные меценаты.